

В. Н. Дубовицкий

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОПОНИМАНИЯ И СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА

Введение. Исследования проблемы правопонимания и соответственно основных концепций правопонимания стали возможны лишь в постсоветский период развития юридической науки, поскольку в предшествующие годы господствовал юридико-позитивистский подход к праву, т. е. под правом *понималась* (и согласно ст. 1 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» [1] *понимается*) система общеобязательных правил поведения, устанавливаемых (санкционируемых) и обеспечиваемых государством в целях регулирования общественных отношений.

В последние годы вопросы типологии правопонимания, достоинства и недостатки основных концепций правопонимания, а также историю становления и развития социологии права исследовали многие авторы. Вместе с тем многие из указанных проблем остаются либо дискуссионными, либо за рамками глубокого анализа.

Целью автора настоящей статьи является анализ понятия «тип правопонимания», освещение основных концепций правопонимания в контексте выявления причин, факторов, детерминирующих их возникновение, развитие и функционирование, уделив особое внимание социологическому подходу к праву, его специфике к пониманию взаимосвязи права и общества и становлению социологии права как самостоятельной юридической дисциплины.

Основная часть. В юридической литературе *тип правопонимания* определяется неоднозначно. Например, «это формирующийся в рамках определенной культуры образ права, который характеризуется как парадигмально обусловленными теоретическими признаками права, так и культурно обусловленным практическим (ценностным) отношением к праву» [2, с. 38]. Исходя из этого авторы выделяют два основания для классификации типов правопонимания: практическое и теоретическое. Первое существует в общественном правовом сознании и правовой культуре в виде особого ценностного отношения к праву, характеризуемого специфическим социокультурным правовым видением и правочувствованием, что позволяет в синхронном аспекте

выделить, например, практическое правопонимание Востока и Запада, а в диахронном – идеациональный (религиозный), чувственный (светский) и идеалистический (сочетающий в себе элементы первого и второго) типы практического правопонимания. При этом систематизированное практическое правопонимание выступает в форме правовой идеологии, а несистематизированное – имеет форму правовой психологии. Второе, т. е. теоретическое правопонимание, характеризуется стремлением представить понимание права в виде научной теории. Думается, что приведенная классификация должна носить *условный* характер, поскольку та же правовая идеология является систематизированным *научным* выражением правовых взглядов, а через правовую психологию реализуются знания права, обычаи, традиции и самооценка личности, т. е. умение личности (социальной группы или общества в целом) критически оценить свое поведение с точки зрения его соответствия принципам и нормам права. Поэтому обе эти стороны (когнитивная и правовоззренческая) являются разными уровнями единого типа *правосознания*. Когда речь идет о типе правопонимания, который определяет парадигму, принцип и образец (смысловую модель) юридического познания, собственно научно-правовое содержание, предмет и метод соответствующей концепции юриспруденции [3, с. 136], то подчеркивается рациональное, теоретическое раскрытие понятия права в виде *научной теории*. Приведенные определения различаются по объему и, следовательно, по содержанию. Определение, данное В. С. Нерсесянцем, более верное, поскольку введение в научный оборот понятия «практический тип правопонимания» может привести к вопросу о разграничении, например, с таким понятием, как «правовая система». Вместе с тем следует помнить, что любая теория «выступает как наиболее совершенная форма научного обоснования и программирования практической деятельности» [4, с. 649], поэтому *тип правопонимания – это обусловленная социокультурными ценностями научная концепция юриспруденции, определяющая рационально-теоретический образец (модель) понимания (и понятия) права, его сущности и содержания*. Таким образом, на наш взгляд, понятия «правапонимание» и «природа права» являются синонимическими.

Многочисленные определения права, выработанные с античных времен до настоящего времени в рамках юриспруденции, представляется, можно свести к *четырем* (основным) концепциям правопонимания: *естественно-правовой* (иногда именуемой «нравственная», «фи-

лософская», «юснатурализм»), *юридического позитивизма* («нормативная», «легистская», «этикатистская»), *социологическая и интегративная*. При этом следует отметить, что в рамках любой из названных концепций существовали и существуют различные течения, направления, школы как дополняющие, так подчас и исключаящие друг друга и, соответственно, по-разному понимающие источники права.

Естественно-правовая концепция правопонимания является старейшей и наиболее распространенной среди правовых доктрин и усматривающая главный источник правовых норм в самой природе (вещей, человека, общества), а не в воле законодателя. Можно сказать, что естественное право – это право, извне приданное человеку и приоритетное по отношению к человеческим установлениям, т. е. «естественное право – это правовая форма выражения первичности и приоритета естественного над искусственным в человеческих отношениях» [3, с. 153]. Согласно данной концепции право и воля законодателя (*закон*) могут не только не совпадать, но и противоречить друг другу. В рамках этого довольно общего положения варианты концепции правопонимания в разные периоды истории и у различных исследователей приобретали различное содержание и идеологическую направленность. Так, *первая* редакция естественного права отождествлялась с такой же естественной закономерностью, как, например, рождение и последующая смерть (Древняя Греция и Древний Рим); *вторая* редакция обосновывалась с теологией и трактовалась как воля Бога, которая находит отражение в человеческом разуме и Священном Писании (Средневековье); *третья* редакция – индивидуалистическая трактовка естественного права (Новое время); и наконец, *четвертая* редакция – интерпретация естественного правопонимания как правового идеала, на который необходимо равняться позитивному (государственно установленному) праву (начиная с конца XIX в.) [2, с. 40–42]. Вместе с тем естественно-правовая концепция, в основе которой заложена идея справедливости, нередко выражает релятивистские представления о нравственности и нравственности права, т. е. в рамках данного правопонимания происходит смешение права и морали, должного и сущего, нормы и фактического содержания правоотношения. В этом заключается ее основной недостаток.

Юридический позитивизм (нормативизм) явился результатом разграничения права и морали, государства и общества (Новое время) и соответственно в природе права сторонники данной концепции пра-

вопонимания видели не универсальный закон природы или божественный разум, а самого человека, точнее, в выражении *воли государства*. Данное направление со времени формирования западноевропейских абсолютистских государств и кодификации национальных законодательств начинает вытеснять духовное, абстрактно-рациональное (метафизическое) начало (субстанционально-содержательное) формальным, для которого характерным являются способы создания, действия и обеспечения норм права. Дальнейшее развитие концепции продолжилось на основе методологии философии позитивизма (XIX в.), которая предполагает отказ от оперирования знаниями, не проверенными на истинность опытным путем, и соответственно ограничивает задачи юридической науки изучением позитивного (от лат. *positivus* – положительный) права, т. е. права, действующего в данный момент. Иными словами, происходит сужение правопонимания до совокупности знаний об *установленных или санкционированных государством правовых нормах и их взаимосвязях между собой*. Вся система позитивного права подчинена таким исходным принципам, как *покровительственно-опекунское* отношение государства к праву, которое предполагает под правом волю государства, возведенную в закон, или совокупность юридических норм, действующих в государстве, либо систему внешних принудительных средств, применяемых государством с целью поддержания необходимого социального порядка; *секулярность*, т. е. право носит сугубо светский характер и для него не существует запредельной, метафизической реальности; *минимум нравственности*, что означает определенную дистанцированность от религиозно-этических сфер (мотивационные проблемы поведения субъектов интересуют позитивное право в пределах служения благу государства). В основе нормативно-позитивистского подхода к праву лежит *формально-догматический* метод, который способствует логически упорядочивать юридические понятия, осуществлять уяснение и толкование правовых норм, проводить их классификацию, согласовывать юридические предписания между собой путем их упорядочения и установления иерархии норм права, предпринимать поиски в решении тех вопросов, на которые правовые акты не дают однозначного ответа либо вообще бездействуют. Сторонники рассматриваемой концепции, отталкиваясь от философских посылок неокантианства, видят в юриспруденции чисто нормативную дисциплину и, следовательно, *должное*, а не *сущее* составляет ее исключительный предмет. Поскольку нет «права вообще», а есть только формулировки

законов, других нормативных актов, усвоение которых достигается в процессе правового воспитания, то для единообразного правопонимания и соответственно реализации принципа законности необходимо совершенствовать законодательство, а также разрабатывать правила законодательной техники, учета и систематизации нормативных актов, толкования и применения правовых норм, решения юридических споров. Таким образом, *на первый план выдвигается такой источник права, как нормативно-правовой акт, исходящий от государства*. Наиболее видными представителями юридического позитивизма в XIX в. были И. Бентам, Дж. Остин, К. Бергбом, в XX в. – Г. Харт, Г. Кельзен. Вместе с тем позитивистско-нормативный подход в том виде, в котором он сложился в конце XIX – начале XX в. страдает определенными недостатками, основными из которых являются превращение права в инструмент государства самим же государством и нежелание глубоко анализировать содержательную сторону норм, отдавая приоритет способам их создания, действия, обеспечения и обходя ценностные аспекты права. Что касается советского периода, то под *источником права* как раз и понималась деятельность или результат деятельности государства, который выражался в принятии правовых норм, т. е. главенствовал узконормативный подход. И наконец, следует отметить, некоторые авторы считают, что при всех различиях естественного и позитивного права «конфликт между ними представляется несколько надуманным, тем более что любая теория естественного права (в европейском варианте) предполагает наличие позитивного права» [5, с. 9].

Социологическая концепция правопонимания стала складываться в конце XIX в. на основе социологического позитивизма, который являлся реакцией, противопоставлением юридическому позитивизму, хотя оба направления возникли на фундаменте философии позитивизма с той лишь разницей, что идеи позитивизма нашли свое отражение и обоснование в формально-догматическом нормативизме несколько раньше. Социологически позитивизм не ограничился догмой права, считая ее вспомогательной, даже технической частью теории права, и предпринял попытку выработать понятие права во взаимосвязи с другими многообразными явлениями общественной жизни, общественными отношениями (в контексте социальной обусловленности и социального функционирования права). Вместе с тем, несмотря на то, что в отличие от юридического позитивизма, социологический позитивизм ориентировался на социологические идеи и по-

зitivную социологию, в его основе лежала та же позитивистская методология и теория познания, направленность на «позитивные» правовые феномены и соответственно на игнорирование сущностных и аксиологических аспектов права, на отрицание естественного права. Следовательно, социология права уже на этапе своего становления противопоставляла себя не только юридическому позитивизму, но также идеалистической философии права. Но применение к социологическим исследованиям методологического принципа позитивизма – ограничить изучение предмета эмпирическими данными – в то же время позволяло перейти от догматических схем к анализу функционирования права, его динамики, т. е. права в действии, что вело к широким конкретно-эмпирическим исследованиям. Таким образом, «социологическая юриспруденция в своем становлении была фактически тождественна социологическому позитивизму или позитивистской теории права, <...> это была не социология права в собственном смысле, скорее попытка выработать социологическое понятие права» [6, с. 24]. Наиболее яркими представителями социологического позитивизма или родоначальниками социологии права были такие известные юристы конца XIX – начала XX в., как Р. Иеринг, Л. Гумплович, С. А. Муромцев, М. М. Ковалевский, Н. М. Коркунов и др.

Дальнейшее развитие социологии права шло в русле концепций модернизма, т. е. резкого отрицания нормативизма и признания решающей роли социального субъекта (личности, социальных групп, движений). Отталкиваясь от социологического позитивизма, в первые десятилетия XX в. в свете социологического подхода право предстает не как самостоятельный и самоценный феномен, а как *социально обусловленное* явление, отражающее закономерные условия социального бытия и *относительно независимое* от государства, как составная и в значительной мере подчиненная часть социальной системы, наделенная рядом обслуживающих функций, что предполагает активное применение структурно-функционального анализа при изучении права в контексте социальной жизни и преследуемых правом социальных целей. Поскольку право – это «*сущее*», а не «*должное*», именно то, что реально существует в жизни, а не в сборниках законов, то предметом юриспруденции должно стать исследование *динамики* социальной действительности (при этом с активным применением сравнительно-правового метода и того, что реально определяет поведение субъектов, их права и обязанности, воплощаясь в правовых отношениях), а

не изучение некой статичной, формальной структуры законодательных предписаний (Е. Эрлих, Г. Канторович, Р. Паунд).

Сделав своей главной задачей и целью изучения вопросов функционирования права, социологическая юриспруденция выдвинула на первый план *правосознание* и конкретные *правовые отношения*. На наш взгляд, данные категории являются базовыми в большинстве юридиико-социологических теорий XX в. Соответственно анализ указанных понятий, особенно это касается «правовых отношений», приводил исследователей к различному пониманию предмета социологической юриспруденции. Для направления социологической юриспруденции, которое за основу взяло «правосознание», право предстало по преимуществу как порождение или индивидуального сознания, или коллективных представлений, преобладающих в обществе. Наиболее известна в этой связи *психологическая теория права* Л. Петражицкого, видевшего *источник права* в особом рода психологических переживаниях личности. Если ключевым понятием становилось «правоотношение», то право рассматривалось прежде всего как сумма правовых отношений общества в их статике и динамике и в этом смысле как *правовой порядок общества* (С. Муромцев).

Понятие права как правопорядка, порядка социальных отношений, предложенное С. А. Муромцевым, верно отражает одну из сторон права, поскольку право как сложная нормативная регуляция в обществе, обеспечиваемая государственным принуждением, не сводится только к норме, а включает в себя также правоотношения и, следовательно, предстает в виде *живого конкретного правоотношения*, в котором воплощается диалектическая взаимосвязь общего (нормы) и отдельного, единичного (правоотношения). Определение права как правопорядка фиксирует внимание на важном признаке права, позволяющем обосновать конкретно-социологические исследования юридической жизни.

Представители «правового плюрализма», или «институционализма в праве» исходят из того, что государство в своей правотворческой деятельности не может, да и не должно, охватывать все «живое право» действующее в обществе. У государства нет монополии на право, поскольку в одном и том же обществе, в одно и то же время наряду с государственной могут существовать и иные правовые системы (например, «обычное право», «профсоюзное право» и т. п.). В числе наиболее видных сторонников этого направления социологии права

можно назвать таких ученых, как М. Ориу, Ж. Гурвич, П. Сорокин и др. Думается, что институционалисты имеют все основания утверждать, что право, за которым стоит государственная власть, – это не единственная система, регулирующая поведение людей в обществе, но это вовсе не означает, что любые социальные нормы и правила являются правовыми. Вместе с тем представители названных направлений обратили внимание на существенные черты права в его широком понимании и, объясняя это сложное многоаспектное социальное явление, вышли за рамки юридического позитивизма. Более того, сторонники реалистической школы права стали отождествлять право с конкретной практикой судей и администраторов. По их мнению, нормы, независимо от того, установлены ли они судьей или кем-то другим, содержатся ли они в законах, прецедентах или иных правовых предписаниях, являются не правом, а только *одним из источников*, к которым обращается судья, представитель администрации, когда они создают *право* при решении казуса. Представители социологически ориентированных школ констатировали, и не без оснований, что прежде всего новые тенденции и ситуации в движении правовых отношений обнаруживает суд и другие правоприменительные органы, которые находятся ближе к конкретным жизненным обстоятельствам, фактам, чем тот же законодатель. Но при этом правоприменительный орган часто оказывается связан устаревшим законодательным актом, поэтому, чтобы решить ту или иную коллизию, необходимо расширить судейское усмотрение, когда этого требует так называемое «живое право». Здесь социологическая юриспруденция сближается с естественно-правовой концепцией правопонимания, которая также настаивала на возможности для суда выйти за рамки закона, если он противоречил принципу справедливости. В середине и конце XX в. социологическая концепция правопонимания наиболее интенсивно разрабатывалась такими научными школами, как социолого-институциональной, прагматической, реалистической, а также эмпирической (прикладная социология права), ориентированной на проведение конкретных социально-правовых исследований [7, с. 36–52].

В рамках прикладной социологии права, своего рода «социологии права в узком смысле», используются конкретно-социологические методы при изучении правовых явлений и нарабатывается методика проведения таких исследований. В настоящее время сложилось два основных прикладных направления юридико-социологи-

ческих исследований: 1) социологическое обеспечение законодательства (*законодательная социология*); 2) социологическое обеспечение правоприменительной деятельности (*социология правоприменения* и как ее разновидность – *судебная социология*).

Как отмечалось, норма права при позитивистском правопонимании говорит не о настоящем, а о будущем, не о том, что есть, а о том, что должно быть. Однако далеко не всегда удается предопределить это будущее и строгая реализация норм права может резко противоречить замыслам законодателя и «породить наивысшую несправедливость». При социологическом подходе к праву оно приобретает реальность, конкретность и определенность, исключающее непредсказуемость. Вместе с тем, если сами конкретные и многообразные общественные отношения, права и обязанности их участников, мнения которых об этих правах и обязанностях нередко спорны и противоречивы, а практика их реализации судебными и административными органами разнообразна, то сложно понять, какие отношения являются правовыми.

Ни одна из *классических* концепций правопонимания не являлась и не является самодостаточной, т. е. способной дать исчерпывающие ответы на вопросы развивающейся правовой науки. В то же время эти теории, каждая из которых является противовесом другим, существуя подчас одновременно, не вполне равноценны на разных этапах развития общества, государства, права. Поэтому следует согласиться с суждением О. Э. Лейста, что в период «становления или глубокого изменения правовой системы на первый план выходит нравственное понимание права» (естественно-правовое); «начало стабильного развития общества, государства, права повышает значение нормативного понимания»; и «наконец, уже усвоенное право, обретшее действительность и ставшей обычной и привычной практике судов и других государственных органов, а также в отношении субъектов гражданского общества, неизбежно выходит за пределы буквы закона, создавая при регулировании новых общественных отношений нечто вроде синтеза нравственного и нормативного понимания права на основе высокой правовой культуры», т. е. начинает доминировать социологический подход [8, с. 7–8].

В настоящее время, в русле приведенной точки зрения, ряд авторов, подчеркивая *нормативность* как базовую особенность общей идеи всех классических концепций правопонимания и *цикличность*

движения единого нормативного образования, нормы-инварианта, *последовательно* принимающего три формы: естественную, законную, социологическую, предлагают при социологическом подходе право рассматривать «в качестве особой реальной формы бытия юридических норм или *актуального права*» [9, с. 13].

В юридической литературе последних лет достаточно распространенным является *интегративное* правопонимание, сущность которого при определенных вариациях сводится к допустимости разных направлений в правопонимании, их сопоставлению и сближению. В рамках интегративного подхода одни авторы объединяют наиболее ценные и привлекательные, с их точки зрения, признаки права, другие формулируют общее определение путем соединения принципов юридического и социологического позитивизма и естественного права. Например, В. В. Лазарев считает, что вряд ли в действительности мыслимо вполне совершенное право, но уж если искать существенные признаки права, то делать это надо отдельно по отношению к содержанию и форме права. И тогда справедливые меры свободы будут характеризовать содержание права, а формальным свойством существенного характера будет общеобязательность, основывающаяся на принуждении со стороны главенствующей структуры данного социума. Таким образом, для судьи, прокурора, работника милиции не столь уж важно, где содержатся нормативы, которыми они должны руководствоваться, – в писанных актах-документах, в правовых отношениях или правосознании, – главное, чтобы решение выражало ту меру свободы и справедливости, которая фактически защищена в этом обществе. В противном случае неизбежны конфликты, попрание всякой справедливости. Поэтому право – это совокупность признаваемых в данном обществе и обеспеченных официальной защитой нормативов равенства и справедливости, регулирующих борьбу и согласование свободных волей в их взаимоотношении друг с другом [10, с. 97–98].

Отметим, что интегративное правопонимание исходит не просто из синтеза конкурирующих классических теорий, а из усматриваемого *многоединства* самого права, которое позволяет найти в праве все обозначенные ранее аспекты, отсюда право – это своего рода тип социального действия, процесс, в котором нормы, ценности и факты «срастаются и актуализируются» на основе таких постклассических методологических подходов, как феноменология, герменевтика, си-

нергетика и коммуникология [2, с. 50, 57]. Немаловажным фактором становления интегративного подхода явилось понятие «правовое государство», которое позволило соединить воедино столь важное для позитивизма объективное право – систему норм с представлением о праве как системе прав и свобод человека, на чем настаивала естественно-правовая доктрина, и показать основополагающую роль права в жизнедеятельности гражданского общества («порядок общественных отношений») [11, с. 195].

Итак, право, являясь конкретной социальной формой, имеет не одномерный, а многомерный характер. Даже в пределах отдельного государства и контролируемого им единого правового пространства, где поиски общего для всех участников понимания права имеют определенный упорядочивающий смысл, могут существовать различные определения права и соответственно несхожие правопонимания, что прежде всего находит отражение в реализации права. Например, в белорусском законодательстве отсутствует такой источник права, как судебный прецедент, хотя он реально, фактически существует на уровне решений областных (г. Минска) судов и Верховного Суда Республики Беларусь.

Как отмечалось, социологический подход к праву характеризуется рядом направлений, школ, которые по-разному отражают содержание, предмет социологической юриспруденции и соответственно неоднозначно определяют ее научный статус, поскольку социологию права рассматривают и как юридическую, и как социологическую дисциплину. Бесспорным является лишь факт необходимости изучения права в жизни, «в действительности», рассмотрения его как одной из социальных подсистем, как социального института.

Общеизвестно, что нормы права – это разновидности социальных норм, а само право рождено обществом. Поэтому проблемы формирования и действия права, его отдельных норм необходимо рассматривать не только с позиций юридической догматики (юридического позитивизма), но и учитывать в первую очередь социальную обусловленность правовых норм, социальные предпосылки реальных правовых отношений (исследование комплексных процессов трансформации юридических норм в социальное поведение на всех уровнях – общества, социальных групп, личности) и их социальную эффективность. При этом речь идет не о противопоставлении социологических способов, приемов «традиционным» методам правоведения (сравни-

тельно-правовой, нормативно-догматической), а об их расширении. Следовательно, *объектом социологии права*, как и любой иной юридической дисциплины, *является право, но в его тесной взаимосвязи и взаимодействии с социумом, что находит свое выражение как в социальной обусловленности права, так и в социальных функциях и действиях права в социальной реальности.*

При рассмотрении вопроса о соотношении предмета социологии и предмета правоведения отметим, что они частично совпадают, но юридическая наука изучает правовые отношения, а социология – фактические общественные отношения. И хотя первые являются разновидностью вторых и входят одновременно в предмет социологии и предмет юридических дисциплин, исследуются этими науками под разным углом зрения и в различных аспектах. Если правовая наука сосредотачивает свое внимание на правовой форме общественного отношения, содержании прав и обязанностей его субъектов, то социология – на социальном месте, социальных функциях того или иного общественного явления, изучая фактические общественные отношения.

Вместе с тем даже среди представителей юридического позитивизма (в том числе и советской школы) понятие правового отношения, его структуры, содержания, формы, классификации и соответственно разграничение с фактическими общественными отношениями являются остродискуссионными вопросами [12, с. 431–432]. И это при определенном единодушии во взгляде на правоотношение как *форму осуществления права, а не форму права*. Оно не является регулятором общественных отношений, поскольку таковым остается норма права.

При всем различии правовых и общественных отношений между ними существует тесная взаимосвязь, так как правовые отношения переплетены с экономическими, политическими, организационными и иными общественными отношениями. Социологию права не интересуют правоотношения вне сущностной связи с социумом, с фактическими общественными отношениями. Но поскольку взаимосвязь фактических общественных отношений, правовых норм и правовых отношений многообразна, то, например, В. П. Казимирчук и В. Н. Кудрявцев выделяют в ней *два основных элемента: первый элемент* (первое направление связи) касается происхождения правовых норм, т. е. проблемы социальной обусловленности правовых норм и порожден-

ных ими правоотношений, а *второй элемент* взаимосвязи между правовыми и фактическими общественными отношениями состоит в изучении социального действия и социальной эффективности права его институтов и норм. В этом элементе проявляется обратная связь между правом и регулируемым им общественными отношениями [13, с. 11–12].

Социальная обусловленность права в целом и правовых норм в частности представляет собой обширную и сложную проблему (достаточно вспомнить хотя бы количество *основных* теорий происхождения и сущности права). Разумеется, социальная обусловленность должна находить конкретное проявление в формировании, создании права, правовых норм и при этом под социальной обусловленностью права следует понимать «соответствие, адекватность права регулируемым общественным отношением, его способность отражать объективные потребности общественной жизни» [14, с. 171]. По мнению В. В. Лапаевой, это состояние возможно, если право становится фактором достижения общественного согласия (путем согласования различных общественных интересов) и снижения уровня социальных конфликтов. При этом основное предназначение права уже не видится в обеспечении достижения каких-то внешних по отношению к праву экономических, политических или идеологических целей, а в *правообразующем интересе* (своего рода социологическая теория среднего уровня), как итоге согласования различных интересов, что позволит при свободе реализации интересов одних субъектов не ущемлять в равной мере свободы других субъектов. В процессе выявления и характеристики правообразующего интереса автор обращает особое внимание на необходимость учитывать современные социологические подходы к исследованию гражданского общества как сферы взаимодействия *групп интересов*, не ограничивая понятие «групповые интересы» лишь политическими отношениями и рассматривая их как активных субъектов социального действия. При этом законодатель как представитель всего народа и выразитель его общей воли должен искать *правовой компромисс*, в равной и одинаково справедливой мере учитывать все интересы в соответствующей сфере правового регулирования [14, с. 174–178].

Данный подход является по своей сути верным, но как некий *идеал*, высшая цель правообразования и правотворческой деятельности. Обусловленность правовых новаций предопределяется природ-

ными, географическими, экономическими, политическими, религиозными, культурными и другими условиями, т. е. естественными и социальными (объективными и субъективными), постоянными и временными факторами. Таким образом, социальный и соответственно правообразующий интерес является и объективным отношением, и одновременно субъективным побудителем, единством объективного и субъективного. Общий социальный интерес (общая воля) выражает доминирующую тенденцию развития целого благодаря тому, что в нем наиболее полно выражается основное социальное противоречие. Вместе с тем неравномерность развития различных компонентов целого порождает противоречия между общими и частными (в том числе и групповыми) социальными интересами [15, с. 120–121]. В реальной действительности нередко встречаются и крайности (например, законодатель отражает в нормах права определенные корпоративные интересы, игнорируя плюрализм мнений и интересов, или превращает общий интерес (волю) в абстрактный лозунг (идею), не подкрепляемый конкретными действиями в силу объективных и субъективных причин).

Вопросы социального действия и социальной эффективности правовых норм и правовых актов в целом не менее важны, чем вопросы их социальной обусловленности. С социологической точки зрения вопрос о реализации права – это вопрос о направлениях, способах воздействия юридической формы на социальное содержание. Дать социологическую характеристику действию права – значит исследовать влияние экономических, политических, психологических и иных социальных факторов на нормы права в процессе их действия, а также характер воздействия права на различные сферы общественной жизни. Таким образом, социальные факторы воздействуют на право при его реализации и сами же являются объектами воздействия со стороны права, т. е. понятие Т. Парсонса «ситуация действия» при таком подходе будет синонимом понятию «*взаимодействие*». Указанные и другие стороны процесса реализации норм права, разумеется, не могут быть изучены традиционными приемами, способами логико-правовых исследований. То же касается и социальной эффективности норм права, когда речь идет о соотношении между фактическим результатом действия нормы права и теми социальными целями, на достижение которых она направлена (принята, издана). Безусловно, что изучение этих явлений невозможно проводить в рамках только правоведения, понимаемого как анализ самих норм, так как эффективность

его выражается в конечном счете именно в воздействии на неправо-
вое явление, на фактические общественные отношения. Поскольку
речь идет об изменении (или закреплении) фактических обществен-
ных отношений в результате действия правовых норм, то данное на-
правление относится к области социально-правовых исследований, а
не к «чистой» социологии.

Между социальной обусловленностью права и социальным дей-
ствием права существует тесная двусторонняя связь. Если та или иная
норма права не вызвана требованиями жизни, вряд ли можно рассчи-
тывать на то, что она даст желаемый результат. С другой стороны,
лишь на основе изучения социального действия и социальной эффек-
тивности действующего законодательства можно внести предложения
по его совершенствованию.

Заключение. Социология права является сравнительно молодой
наукой, поскольку только в 1962 г. на V Всемирном социологическом
конгрессе в Вашингтоне (США) она была официально признана от-
раслью научного знания, хотя история ее развития насчитывает более
ста лет. В системе современной отечественной юридической науки и
юридического образования социология права представляет собой са-
мостоятельную юридическую дисциплину общетеоретического со-
держания. Это означает, что в рамках юриспруденции данная дисци-
плина имеет общенаучное и вместе с тем общеобразовательное значе-
ние.

Однако необходимо иметь в виду, что многие вопросы о природе,
объекте, предмете и месте социологии права среди других социаль-
ных и юридических наук до сих пор остаются дискуссионными. Со-
циология права, возникнув в пограничной области знания социологии
и правоведения, хотя и утвердилась как самостоятельная дисциплина,
но по-прежнему ее предмет вызывает споры, поскольку многие пра-
воведы считают ее юридической наукой (дисциплиной), а социоло-
ги – одной из отраслей социологии, а точнее, одной из социологиче-
ских теорий среднего уровня. Фактическая сторона дела такова, что
социология права как отдельная отрасль правоведения уже сформирова-
лась, чего нельзя сказать о социологии права как социологиче-
ской дисциплине.

Таким образом, *социология права, являясь самостоятельной
юридической дисциплиной, представляет собой «структурированную
систему знаний о праве как особом социально-юридическом феномене*

в его генезисе и в действии, т. е. как социально детерминированном и социально действующем явлении, процессе» [16, с. 99–100]. Поэтому предмет социологии права – это определение характера и закономерностей взаимодействия социальных факторов и права, правовых явлений.

Список использованных источников

1. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З // Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. – 2000. – № 5. – Ст. 40; Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2002. – № 7. – 2/830; 2004. – № 175. – 2/1070.
2. Поляков, А. В. Общая теория права: учебник / А. В. Поляков, Е. В. Тимошина. – СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. – 472 с.
3. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / Н. В. Варламова [и др.]; под ред. В. С. Нерсесянца. – М.: НОРМА, 2001. – 832 с.
4. Философский энциклопедический словарь / ред. кол.: С. С. Аверинцев [и др.]. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с.
5. Козлихин, И. Ю. Позитивизм и естественное право / И. Ю. Козлихин // Государство и право. – 2000. – № 3. – С. 5–11.
6. Зорькин, В. Д. Муромцев / В. Д. Зорькин. – М.: Юрид. литература, 1979. – 128 с.
7. Социология права: учеб. пособие / В. В. Глазырин [и др.]; под ред. В. М. Сырых. – М.: Юрид. Дом «Юстицинформ», 2001. – 480 с.
8. Лейст, О. Э. Три концепции права / О. Э. Лейст // Советское государство и право. – 1991. – № 12. – С. 3–11.
9. Муравский, В. А. Актуально-правовой аспект правопонимания / В. А. Муравский // Государство и право. – 2005. – № 2. – С. 13–18.
10. Теория права и государства: учебник / В. С. Афанасьев [и др.]; под ред. В. В. Лазарева. – М.: Новый Юрист, 1997. – 432 с.
11. Теория государства и права: учебник / В. К. Бабаев [и др.]; под ред. В. К. Бабаева. – М.: Юрист, 2002. – 592 с.
12. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права: курс лекций / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбаток, В. А. Кучинский; под общ. ред. А. Ф. Вишневского. – Минск: Тесей, 1998. – 576 с.
13. Кудрявцев, В. Н. Современная социология права: учебник для вузов / В. Н. Кудрявцев, В. П. Казимирчук. – М.: Юрист, 1995. – 297 с.
14. Лапаева, В. В. Социология права / В. В. Лапаева; под ред. В. С. Нерсесянца. – М.: НОРМА, 2000. – 304 с.
15. Социологическая энциклопедия / ред. кол.: Е. М. Бабосов [и др.]; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск: БелЭн, 2003. – 384 с.

16. Саидов, А. Х. Социология права: каков ее научный статус? / А. Х. Саидов // Социологические исследования. – 2006. – № 7. – С. 97–104.